

Россия
в глобальном
конфликте
XVIII века

СЕМИЛЕТНЯЯ ВОЙНА
(1756–1763)

И РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Новое
Литературное
Обозрение

2023

УДК 94(47+57)»1756/1763»

ББК 63.3(2)512-68

Р76

Редактор проекта Studia Europaea

Д. А. Сдвижков (Германский исторический институт в Москве)

Рекомендовано к печати дирекцией Германского исторического института в Москве

Рецензенты:

*Артамонов Владимир Алексеевич, к. и. н. (Центр военной истории ИРИ РАН);
Польской Сергей Викторович, к. и. н. (Школа исторических наук НИУ ВШЭ,
Центр по изучению XVIII века ИВИ РАН)*

Р76 Россия в глобальном конфликте XVIII века. Семилетняя война (1756–1763) и российское общество: Коллективная монография / Под. ред. М. Ю. Анисимова, Д. А. Сдвижкова, при участии С. В. Доли. — М.: Новое литературное обозрение, 2023. — 440 с.: ил. (Серия Studia Europaea)

ISBN 978-5-4448-1944-9

Первый по-настоящему глобальный конфликт Нового времени — Семилетняя война (1756–1763 гг.) — занимает скромное место в отечественной историографии. Участие России было отмечено блестящими триумфами над самой грозной в Европе прусской армией, но драматические повороты политики привели к тому, что эти победы остались без видимых результатов, а война оказалась невостребованной в национальной исторической памяти. Между тем колоссальные военные усилия России отразились на социальных, культурных, экономических процессах, которые во многом повлияли на развитие страны в последующие десятилетия. Международный авторский коллектив ставит перед собой задачу не просто пробудить у читателя интерес к эпохе и открыть новые источники, но и показать Семилетнюю войну как часть европейской истории России. Книга создает объемный образ военной эпохи и рассказывает о различных ее сторонах — от армии, дипломатии, внутренней политики и экономики до информационного освещения войны, самосознания ее участников и современников.

УДК 94(47+57)»1756/1763»

ББК 63.3(2)512-68

На обложке: Оглашение указа, фрагмент гравюры «Проспект Государственных коллегий с частью Гостиного двора в восточную сторону», по рис. М. И. Махаева, грав. Е. Т. Внуков, лист из альбома «План столичного города Санкт-Петербурга с изображением знатнейших онаго проспектов [...]». СПб, 1753.

© М. Ю. Анисимов, Д. А. Сдвижков, состав, 2023

© Авторы, 2023

© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

Михаил Александрович Киселев

ФАВОРИТ, ПОДЪЯЧИЙ И КОЛЬБЕРГ

*Неформальные отношения и политика в России
в годы Семилетней войны*

В 1756 г. правительство Российской империи взяло активный курс на войну с Пруссией. Подготовку к войне, а затем руководство войной и связанной с ней внешней политикой должна была осуществлять специально созданная для этого в марте 1756 г. Конференция при дворе ее императорского величества, в которую входили ключевые сановники императрицы Елизаветы Петровны.

Никита Иванович Панин (в 1747–1760 гг. русский посланник в Швеции, с 1760 г. — воспитатель великого князя Павла Петровича, а после прихода к власти Екатерины II — ключевой член Коллегии иностранных дел) в аналитической записке, подготовленной для императрицы в конце 1762 г., дал весьма негативную оценку Конференции: «Увидели скоропостижную войну, требующую действительных ресурсов. Нужно стало собрать в одно место раскиданные части, составляющие государство и его правление. Сделали конференцию — монстр, ни на что не похожий: не было в ней ничего учрежденного, следовательно — все безответственное... Фаворит остался душою животворящею или умерщвляющею государство: он ветром и непостоянством погружен, не трудясь тут, производил одне свои прихоти; работу же и попечение отдал в руки дерзновенному Волкову. Сей под видом управления канцелярского порядка, которого тут не было, исполнял сущительную ролю первого министра, был правителем самих министров, избирал и сочинял дела по самохотению, заставлял министров оные подписывать, употребляя

к тому или имя государево или под маскою его воли желания фаворитовы»¹.

Итак, Н. И. Панин утверждал, что помимо учреждений, ответственных за принятие официальных решений, где ключевую роль должна была играть Конференция, существовали неформальные отношения, центром которых был *фаворит* Елизаветы Петровны, чье влияние подчас имело большее значение для определения правительственного курса, нежели формальные механизмы. При этом *фаворит* в своей деятельности опирался и на должностных лиц, которые опять же, не имея официальных полномочий, также могли оказывать большое влияние на выработку правительственной политики.

Полноценная реконструкция неформальных отношений среди правящей элиты и связанных с ней военных на протяжении всей Семилетней войны является темой сколь обширной, столь и непростой из-за нехватки источников. Правительственные учреждения генерировали постоянный поток официальных документов, которые затем сохранялись в правительственных же архивах, что существенно облегчает реконструкцию формальных аспектов формирования и реализации правительственной политики. В то же время неформальные отношения по своей природе далеко не всегда предполагали регулярное создание письменных документов. Да и в случае их появления уровень их сохранности, зависевший от прихотей судьбы частных архивов, уступал документам государственных учреждений. Правда, придворные отношения находились под постоянным вниманием иностранных дипломатов, которые в своих депешах и иных документах приводили ценные наблюдения и сведения. Однако они, подчас будучи внешними наблюдателями, опирались на источники разной степени достоверности, так что их наблюдения и сведения все равно нуждаются как в проверке, так и в дополнении другими источниками. С учетом такой специфики и наличия выявленных источников в настоящей работе, посвященной проблеме влияния неформальных отношений на принятие

¹ Бумаги, касающиеся предположения об учреждении Императорского совета и о разделении Сената на департаменты в первый год царствования Екатерины II (28-го декабря 1762 года) // СИРИО. Т. 7. СПб., 1871. С. 207.

российским правительством военных решений в годы Семилетней войны, основное внимание будет сосредоточено на вопросе подготовки осады и взятия русской армией Кольберга в 1761 г.

Итак, в Конференции с точки зрения неформальных отношений Н. И. Панин отводил важное место *фавориту и дерзновенному Волкову*. *Фаворит* — это Иван Иванович Шувалов. Будучи с начала 1750-х гг. фаворитом Елизаветы Петровны, к середине 1750-х гг. И. И. Шувалов, не занимая каких-либо значимых правительственных должностей (только 4 июня 1760 г. он станет генерал-адъютантом императрицы), напрямую участвовал в выработке важных внешнеполитических решений¹, и ему с 1756 г. регулярно писали находившиеся в действующей армии представители русского генералитета, как прося содействия по разным вопросам, так и в некоторых моментах отчитываясь перед ним, а также снабжая его информацией о положении дел².

Следует отметить, что все же до начала 1758 г. нельзя говорить об исключительной роли И. И. Шувалова, так как должность канцлера и члена Конференции продолжал занимать граф А. П. Бестужев-Рюмин. Граф А. Р. Воронцов в мемуарах отмечал: «Бестужев уже не пользовался прежним доверием Императрицы и не имел на нее прежнего влияния, потому что надоел ей безпрестанными интригами и наветами; но так как она была высокого мнения о его способностях, то и продолжала оказывать ему доверие в том, что касалось государственных дел, и можно сказать, что он не переставал руководить политикой нашего кабинета до той самой минуты, когда он впал в немилость»³. Длившееся с середины 1740-х гг. противостояние Бестужева-Рюмина с вице-канцлером Михаилом Илларионовичем Воронцовым, которого стал поддерживать И. И. Шувалов, было системообразующим противостоянием для партий при

¹ См.: *Нивьер А.* Иван Шувалов: поборник французской культуры и инициатор заключения русско-французского союза // *Россия в XVIII столетии*. Вып. 4 / Отв. ред. Е. Е. Рычаловский; соред. А. Г. Евстратов, Ф.-Д. Лиштенан. М., 2013. С. 73–78.

² См.: Из бумаг Ивана Ивановича Шувалова / Сообщ. И. Н. Толстым // *СИРИО*. Т. 9. СПб., 1872. С. 444–521; *Сдвижков Д. А.* Письма с Прусской войны. Люди Российско-императорской армии в 1758 году. М., 2019. С. 215–218, 221–228.

³ *Воронцов А. Р.* Записки // *РА*. 1883. № 2. С. 240–241.

дворе Елизаветы Петровны. Однако в феврале 1758 г. оно закончилось поражением Бестужева-Рюмина с его последующим осуждением и ссылкой¹.

С одной стороны, бестужевское поражение привело к фактическому исчезновению такого противостояния хорошо очерчиваемых «партий», после чего придворные «партии» стали иметь ситуативный характер. По этой причине австрийский посол в Петербурге Ф. Мерси д'Аржанто в 1761 г. был вынужден констатировать, что «каждый держится особой и своеобразной политики». С другой стороны, это привело к усилению влияния на политику И. И. Шувалова. Тот же Мерси д'Аржанто заявлял: «При вышеуказанном хаосе лиц и обстоятельств, граф Иван Шувалов пользуется таким могуществом и влиянием, которых истинное значение трудно определить, как по отношению их силы, так и общих зависящих от графа правительственных распоряжений»². В немалой степени возросшее влияние

¹ См.: *Киселев М. А., Кочегаров К. А., Лазарев Я. А.* Патроны, слуги и друзья. Русско-украинские неформальные связи и управление Гетманщиной в 1700–1760-х гг. Исследование и источники. Екатеринбург, 2022. С. 399–403, 557–559; *Черкасов П. П.* Двуглавый орел и королевские лилии: становление русско-французских отношений в XVIII веке, 1700–1775. М., 1995. С. 135–153.

² Цит. по: *Шефер А.* Императрица Елизавета Петровна в 1760–1761 гг. // *РС.* 1880. Т. 28. С. 769, 771. Отметим, что французский посланник барон Бретейль, описывая обстоятельства смерти Елизаветы Петровны, утверждал, что «когда императрица Елизавета в конце декабря сделалась больной... при ее дворе возникли две партии. Одна партия — ...Шуваловых стремилась к тому, чтобы не допустить воцарения великого князя и, отправив его в Голштинию, провозгласить юного великого князя Павла Петровича его приемником, поставив великую княгиню во главе Регентского совета, руководителями коего рассчитывали стать Шуваловы. Другая партия — Воронцовых, возглавляемая Романом, братом канцлера и отцом фрейлины Воронцовой, любовницы великого князя, желала, чтобы великий князь развелся со своей женой, признал бы своего сына внебрачным и женился на фрейлине Воронцовой. ...Императрица проболела несколько дней, в течение которых русские разделились, и Панин взялся за то, чтобы примирить обе партии, побудив их действовать по его плану». Последний заключался в том, чтобы возвести Петра на престол, создав «такую систему, которая по существу уравнивала бы в правах Сенат и государя» (цит. по: *Черкасов П. П.* Двуглавый орел и королевские лилии: становление русско-французских отношений в XVIII веке, 1700–1775. С. 227–228). Итак, по Бретейлю, все же существовали партии Шуваловых и Воронцовых. Другое дело, что, согласно его рассказу, они возникли ситуативно, во время болезни Елизаветы Петровны. Что примечательно, Екатерина II в своих

И. И. Шувалова базировалось на том, что он исполнял важную роль посредника между придворными и серьезно больной императрицей. При этом он совершенно не желал занимать какой-либо значимой государственной должности и, например, стать членом Конференции. И. И. Шувалов предпочитал продолжать действовать на неформальном уровне, не сковывая себя формальными процедурами. Мерси д'Аржанто так излагал результаты своего общения по этому вопросу с канцлером М. И. Воронцовым: «Он, граф Воронцов, много раз не только предлагал Шувалову или самому занять место в министерстве или не извращать постановленные решения; но так как он не мог добиться исполнения такой простой просьбы, то часто находится в сильном и тем более ощутительном затруднении, что иногда по целым неделям ему не удается говорить с государыней»¹.

В связи с этим остановимся также на мемуарах князя А. А. Прозоровского, на которые довольно редко обращают внимание при

мемуарных заметках давала иное описание этой ситуации. Она утверждала, что *фаворит* И. И. Шувалов, «быв окружен великим числом молодых людей» и «быв убежден воплем множеством людей, кои не любили и опасались Петра», незадолго до смерти императрицы стал думать о возможности «переменить наследство». В связи с этим он спросил мнения у Н. И. Панина, «говоря, что мысли иные клонятся, отказав и высылая из России в <еликого> к <князя> с супругою сделать правления именем царевича... что другие хотят лишь высылать отца и оставить мать с сыном». Екатерина писала, что Панин «ответствовал, что все сии проэскты суть способы... к междуусобной погибели, что в одном критическом того», т. е. присяги Петру как официальному наследнику престола, «переменить без мятежа и бедствених средств не можно, что двадцать лет всеми клятвами утверждено». В итоге «к сему... фавориты не приступили, но оборотя все мысли свои в собственной их безопасности стали дворовыми вымыслими и происками стараться входить в милости Петра III, в коем отчасти и предупели» (Две заметки императрицы Екатерины II // РА. 1863. № 7. Стлб. 567–568). Получается, что Екатерина II не видела в этом эпизоде борьбы неких партий Шуваловых и Воронцовых, равно как и указала, что тот же И. И. Шувалов в итоге отнюдь не стал последователем некоего хитроумного плана Панина по ограничению власти будущего монарха, а вместо этого стал искать милости у великого князя Петра и в целом преуспел в этом. Последнее подтверждается другими источниками. Как сообщал племянник Ивана Ивановича князь Ф. Н. Голицын, Шувалов «во все краткое время царствования» Петра III «был принимаем у двора с... милостию» (Голицын Ф. Н. Жизнь обер-камергера Ивана Ивановича Шувалова // Москвитянин. 1853. Т. 2. № 6. Март. Кн. 2. Отд. 4. С. 92).

¹ Цит. по: Шефер А. Императрица Елизавета Петровна в 1760–1761 гг. С. 774.

изучении работы правительства периода Семилетней войны, хотя они весьма интересны для данной проблематики, так как в них запечатлена обстановка при дворе Елизаветы Петровны глазами штаб-офицера, прибывшего в столицу с войны.

А. А. Прозоровский, отличившийся в 1760 г. при взятии Берлина, вспоминал, что он затем был отправлен «в Петербург со знаменами, серебряными и прочими вещьми, взятыми в цейхгаузе в Берлине, кои невеликой важности стояли, к высочайшему двору». Прибыв в столицу, «явился я к вице-канцлеру графу Воронцову и, нашедши его больным, принят был со всею ласковостью, которой приказал мне ехать к Ивану Ивановичу Шувалову. И как я имел депеши от генерала Фермора... велел вице-канцлер вручить мне депеши или Ивану Ивановичу Шувалову или Дмитрию Васильевичу Волкову». После этого Прозоровский отправился к И. И. Шувалову, где вручил ему депеши и «особенно им обласкан был». При этом Прозоровский желал отправиться из Петербурга в Москву, так как «с 1755 году матери своей не видал». Однако «Иван Иванович удерживал меня, давая чувствовать, что буду пожалован полковником». Пожалование же задерживалось, так как Елизавета Петровна практически не знала его, «ибо выехал я из Петербурга весьма молод и чину порутчицья, а протектировал я не имел» в отличие от двух других офицеров, которых также представляли к званию полковника. Раз так, то он опасался, что если императрица укажет подать доклад «обо мне, а от конференции подадут о всех трех», то она «увидит о трех, не опробировав его бросит». В итоге Прозоровский был вынужден остаться: «Я же между тем поелику всякий день и час назначаемы мне был ездя вседневно во дворец к Ивану Ивановичу Шувалову и от него бывая в конференции, ездил часто мимо покоев ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, где был примечен и, по особливому ЕЯ благоволению, приказано было камер-юнкеру князь Михаил Михайловичу Голицыну спросить меня о нуждах, чрез которого и донес я об оных ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ, как и после в течении времени чрез Михайлу Михайловича Измайлова докладывал же по обстоятельствам моим. Почему и благоволила она напомнить Ивану Ивановичу Шувалову, чтобы постарался судьбу мою решить, во уважение столь хорошей рекомендации

о службе моей, донесенной ей от них же самих». Как результат, «на другой день» (15 февраля 1761 г.), как вспоминал Прозоровский, «пожалован я один в полковники и отпущен в Москву увидеться с матерью»¹.

Итак, согласно мемуарам А. А. Прозоровского, на конец 1760 — начало 1761 г. канцлер М. И. Воронцов испытывал проблемы со здоровьем, в связи с чем адресовал его или к Д. В. Волкову, или к И. И. Шувалову, хотя последний не был членом Конференции. И Прозоровский выбрал именно И. И. Шувалова. Скорее всего, это было связано с тем, что он был фаворитом Елизаветы Петровны, так что знакомство с ним могло в перспективе обернуться для штаб-офицера значимой выгодой, ведь в силу близости к императрице он оказывал непосредственное влияние на политику, включая и чиновничество. Для европейских монархий Старого режима, включая Россию, влияние фаворитов правителей на политику было частым явлением², так что такое положение и поведение И. И. Шувалова едва ли стоит воспринимать как что-то необычное.

Однако как свое влияние в Конференции приобрел другой персонаж панинской записки — *дерзновенный Волков*, человек недворянского происхождения и непридворной жизни? Что примечательно, в первоначальном варианте своей записки Н. И. Панин даже назвал Волкова *дерзким*³, что указывало на действительно необычное воздействие человека секретарского статуса на политику.

Сын подьячего Дмитрий Васильевич Волков сделал блестящую «подьяческую», т. е. связанную с делопроизводственной работой, карьеру в Коллегии иностранных дел, став одним из ее секретарей в 1749 г. При создании Конференции он был определен руководителем ее делопроизводства, в связи с чем 19 октября 1756 г. ему был дан чин конференц-секретаря с рангом подполковника. Современники отмечали большие способности Д. В. Волкова по составлению разного рода бумаг, которые

¹ Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского (1756–1776). М., 2003. С. 71–74.

² Курукин И. В. Последний фаворит. Платон Зубов. СПб., 2022. С. 48–62.

³ Бугров К. Д. Монархия и реформы. Политические взгляды Н. И. Панина. Екатеринбург, 2015. С. 233.

проявились затем и во время его работы в Конференции¹. По наблюдениям В. П. Наумова, «все черновики протоколов Конференции написаны рукой Д. В. Волкова. Ему же принадлежит окончательная формулировка практически всех исходящих документов, в том числе именных указов, издававшихся по решению Конференции. Лишь в некоторых наиболее сложных случаях проекты документов посылались им для согласования М. И. Воронцову, который утверждал предложенный текст или давал указания о внесении изменений. Еще реже Воронцов сам давал Волкову готовый текст исходящего документа. Такой случай отражен в сохранившейся переписке только один раз»². Волкову первоначально покровительствовал А. П. Бестужев-Рюмин, однако к концу 1754 г., т. е. еще до появления Конференции, между ними произошел конфликт из-за чрезмерной самостоятельности Волкова. После падения Бестужева-Рюмина Волков перешел под покровительство М. И. Воронцова. Последний в феврале 1758 г. даже предложил сделать Волкова членом Коллегии иностранных дел³. Хотя это не было утверждено Елизаветой Петровной, можно сказать, что такое предложение означало признание заслуг Волкова, а также готовность использовать его не только как делопроизводителя, но и как человека, который бы мог принять участие в обсуждении и принятии политических решений.

В ноябре 1761 г. Мерси д'Аржанто, суммируя свои наблюдения о российском правительстве, отмечал: «Полная внутренняя неурядица, породившая вышеуказанные недостатки государственного строя, должна была неизбежно повести к не менее чувствительному ущербу и во внешних делах государства. Последние преимущественно возложены на государственный совет или так называемую конференцию. ... Вследствие того, что председателем их собраний является слабый канцлер (Михаил Воронцов), собрания эти не только ограничиваются праздными

¹ Киселев М. А. Казус Д. В. Волкова: «подьячие» на вершинах власти в Российской империи XVIII в. // Уральский исторический вестник. 2012. № 3. С. 42–44.

² Наумов В. П. Организация и внутривластная деятельность Конференции при Высочайшем дворе (1756–1762 гг.). Дис. канд. ист. наук. М., 1991. С. 76.

³ Киселев М. А. Казус Д. В. Волкова: «подьячие» на вершинах власти в Российской империи XVIII в. С. 44.

спорами о словах и такими совещаниями, где каждый выражает мнение, соответствующее его личным целям, — но она никогда или очень редко кончались бы каким-нибудь решением... если бы секретарь Волков, в виду более или менее настоятельной необходимости, зачастую не брал на себя постановку решения по своему усмотрению, хотя окончательное решение все-таки подлежит пересмотру и дальнейшим противоречиям каждого из членов конференции и таким образом, большею частью, не получает достаточной прочности и силы для приведения в исполнение»¹.

В то же время Ж.-Л. Фавье, служивший в 1761 г. секретарем французского посольства в России, говоря о деятельности Коллегии иностранных дел в своей аналитической записке, утверждал, что «она, в некоторых случаях, как будто разсуждает и подает свое мнение, но на самом деле все делают три или четыре лица, состоящие при этой коллегии (со званием статских советников), под наблюдением канцлера (М.И. Воронцова. — М.К.). Из них г. Волков считается орлом. Он пишет почти все бумаги, адресуемые к послам или к иностранным дворам. Бумаги эти переводятся на французский или немецкий языки уже другими лицами, по причине ли того, что вследствие многих занятий у Волкова нет для этого свободного времени, или же потому, что оба помянутые языка ему мало знакомы. Действительно, он вовсе не говорит по-французски, и именно это отдаляет его от общения с иностранными послами и министрами. Кроме того, его вкусы, его знакомства, особенно же страсть к карточной игре по большой, заставляют его вести такой образ жизни, который в другом обществе все назвали бы безнравственным и ставили бы ему в вину. Это вообще весьма странный человек: ночи он проводит в игре, а дни в писании бумаг. Красноречивый, он в то же время имеет живой и светлый ум, тонкую логику; он умеет вывести из затруднения и употребить нужный оборот речи; а когда нужно, он умеет говорить двусмысленно и отмалчиваться»². Конечно, отнюдь не во всем следует доверять Фавье. Похоже, он не имел большой возможности общаться

¹ Цит. по: Шефер А. Императрица Елизавета Петровна в 1760–1761 гг. С. 771.

² Фавье Ж.-Ф. Записки // Исторический вестник. 1887. № 8. С. 396.

с Волковым, который, согласно российскому правительственному документу 1754 г., «говорит по-французски и по-немецки, а на обоих сих языках пишет весьма изрядною рукою»¹. Тем не менее и Фавье, и Мерси д'Аржанто сходились во мнении, что Волков играл выходящую за рамки руководителя делопроизводства роль в работе Конференции. И это было одновременно с тем, что И.И. Шувалов вошел в наибольшую силу и смог потеснить в политике не только больного М.И. Воронцова, но и своего старшего двоюродного брата графа П.И. Шувалова, являвшегося с самого основания Конференции ее важным членом. Свое влияние на такое ослабление придворного значения последнего оказали как смерть в 1759 г. жены Мавры, бывшей близкой и давней подругой Елизаветы Петровны, так и серьезные проблемы со здоровьем².

Таким образом, к 1760 г., когда Н.И. Панин вернулся в Россию, на дела Конференции и, соответственно, на ведение Семилетней войны Россией пришелся наибольший рост влияния не только И.И. Шувалова, но и Д.В. Волкова. При этом если И.И. Шувалов получил свое неформальное влияние как фаворит императрицы, то в случае с Волковым можно говорить о неформализованном признании его как эксперта. Другое дело, как именно он мог реализовать такое свое признание.

Прежде всего, Д.В. Волков в октябре 1760 г. выдвинул ряд предложений по торгово-промышленной политике с целью улучшить пошатнувшееся из-за войны экономическое положение Российского государства. Однако из-за того, что в этой сфере он вступил в конфликт с П.И. Шуваловым, Волкову не удалось в начале 1761 г. облечь свои предложения в форму законодательного акта³. При этом *дерзновенный Волков* не ограничился

¹ Копия с циркулярного рескрипта ко всем при иностранных Дворах обретающимся Российским министрам, отправленного в 6 день Декабря 1754 года и в Коллегии сочиненного // АКВ. Кн. 2. Бумаги графа Михаила Ларионовича Воронцова. М., 1871. С. 630.

² Федюкин И.И. Прожектеры: политика школьных реформ в России в первой половине XVIII века. М., 2020. С. 340–341.

³ См.: Киселев М.А. Проекты Д.В. Волкова и торгово-промышленная политика Российской империи в начале 1760-х годов // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых / Отв. ред. Т.И. Морозова. Новосибирск, 2019. С. 172–181.

этим. В ноябре 1760 г. он рассматривал планы кампании 1761 г., после чего составил обширный проект рескрипта командующему действовавшими против Пруссии российскими войсками фельдмаршалу графу А. Б. Бутурлину, в котором заявлялось: «О Кольберге к Вам уже писано, да вы и без того известны, коликой важности было б сию крепостицу схватить, чего ради и тот гусарский офицер к вам отправлен, которой предъявляет знать надежное к тому средство. Сверх того от некоторых при последней кольбергской экспедиции бывших искусных офицеров слышим, что сия крепость с стороны реки Персанта так слаба, что приходившие чрез то место дезертиры изрядной показывали путь в оную, но что с новыми салдатами, кои в сию экспедицию употреблены были, никакого смелого предприятия в действо произвести нельзя было. Потому естли найдется способ одним или другим образом сию крепость получить, мы всегда припишем оное в знаменитую вам заслугу, оставляя вам на воле употреблять к тому все способы». В сопроводительной записке М. И. Воронцову Волков так объяснял свою задумку: «Видя, что на сей раз не можем мы сделать союзникам существенной помощи, старался я наградить оных составлением полезного плана на будущую кампанию (выделено нами. — М. К.), дабы тем союзников потешить и ободрить»¹. В целом члены Конференции разделяли идею о том, что одной из главных целей кампании 1761 г. должно являться взятие Кольберга. И вот уже 7 мая 1761 г. Бутурлин в соответствии с полученными из Конференции повелениями «в вышшей тайности» сообщил графу П. А. Румянцеву, что корпусом под командой последнего «имеет предпринята быть осада неприятельской, в Померании лежащей крепости Кольберга»².

Однако А. Б. Бутурлин не проявил большого рвения в достижении именно этой цели. Как отмечал Ю. Р. Клокман, «в то время как Румянцев считал взятие Кольберга трудной задачей, требующей основательной подготовки, Бутурлин этой операции не придавал серьезного значения». Дело в том, что он рассматривал

¹ РГАДА. Ф. 178. Оп. 1. Д. 18. Л. 184 — 184 об., 195.

² Инструкция А. Б. Бутурлина П. А. Румянцеву об осаде и взятии Кольберга совместно с флотом. 7 мая 1761 г., Мариенбург // Семилетняя война / С пред. и под ред. Н. М. Коробкова. М., 1948. С. 727.

«Кольбергскую „экспедицию“ как операцию вспомогательного назначения, цель которой состоит единственно в том, чтобы, оттянув на себя как можно больше прусских войск, облегчить операции русской армии в Силезии», где должен был командовать сам Бутурлин¹.

В связи с этим укажем, что упоминавшийся выше А. А. Прозоровский описал такой произошедший с ним во время пребывания в Санкт-Петербурге в конце 1760–1761 г. «мудреный случай». Заметив, что «канцелярия конференции была тогда в наемном доме в Луговой», Прозоровский писал: «Дмитрий Васильевич Волков, будучи занят вседневною игрою и другими забавами, очень редко в ней бывал. Один раз заехав ввечеру в сию канцелярию с намерением не удастся ли застать его там, дабы осведомиться о состоянии моего дела, был я немало удивлен услышав от секретаря пени, для чего я не записал своей квартиры с присовокуплением, что за мною ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА присылать изволила. Я отвечал, что дал записку Дмитрию Васильевичу, но сие тогда так и прошло. Спустя несколько дней заехал я туда опять. Секретарь сказал мне, что за мною приходил... камерлакей, чтоб я шел на маленькое крыльцо». Прозоровский не знал, где оно находится. Однако его больше смутило следующее: «Понял я, что она хочет меня спрашивать о графе Салтыкове, о котором сказали ей, что он с ума сошел. А, притом, и о том, что Армия все ли ей определенное получает, которая по полугоду не получала жалованья. Но о сем, как слухи доходили, не доносили. Граф Салтыков действительно тогда жестоко болен, но только лихорадкою, не сходя с ума, так как он и совсем выздоровел». Из-за этого Прозоровский «нашел... себя в великом недоумении: естли к ней дойти... то надобно будет правду говорить, чрез что самое досажду многим, которые одним или другим манером сделают мне несчастье, а обстоятельства не переменятся». В то же время «не итить же было невозможно». В итоге он отправился к И. И. Шувалову «просить его, чтоб дал мне кого-нибудь проводить» к императрице. Шувалов «послал предварительно доложить, приказано ли будет меня вести, но было отказано».

¹ Клокман Ю. Р. Кольбергская операция 1761 г. // Исторические записки. [Т.] 30 / Отв. ред. Б. Д. Греков. [М.], 1949. С. 235, 236.

В связи с этим Прозоровский констатировал: «Таким образом я сего случаю высвободился»¹.

Такой *мудреный случай* можно рассматривать как свидетельство проблем в получении в столице полноценной информации о состоянии дел в Заграничной армии. Выходило, что официальных доношений было недостаточно, что в свою очередь должно было приводить к понятным разрывам между тем, что планировалось в столице, и тем, что реализовывалось на местах. В связи с этим особое значение имела коммуникация с командующими там генералами, которая, как отмечалось, для И. И. Шувалова носила неформальный характер. И, как позволяют говорить сохранившиеся источники, такую неформальную коммуникацию к 1761 г. мог позволить себе и Д. В. Волков, пусть и не всегда напрямую.

Сохранилось письмо А. Г. Замятнина, генерал-адъютанта А. Б. Бутурлина, от 26 февраля 1761 г. из Мариенбурга, адресованное Д. В. Волкову. Как можно сделать вывод из панибратского тона письма, у Волкова были с ним вполне дружеские отношения. Так, обращаясь к «любезному брату» Волкову, Замятнин высказывал радость, «что ты прилежностью своей отосла далеко разнствуешь, я ис сего ожидаю и в других твоих делах чувствительной перемены, думаю, что домостройство, волокита у тебя в таком совершенстве, как у Матвея мотовство, у Сергея волокита с пьянством». Далее, комментируя новость о свадьбе (возможно, П. И. Шувалова и княжны А. И. Одоевской, состоявшейся 18 февраля²), Замятнин писал: «Свадебка мне ваша больна полюбилась, особливо Полянскаго пословица збылась: выдали б: за еби:». По этому поводу он ернически обращался к Волкову: «Спроси пожалуй и понаведайся гораздо, не от них ли родится антихрист? А лутчего помету я от них не чаю». В то же время Замятнин не забыл отметить отношение Бутурлина к адресату: «Граф мой (Бутурлин. — М. К.) тобой очень доволен и сегодня написан<о> будет

¹ Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского (1756–1776). С. 74.

² Из писем графа Михаила Ларионовича и графини Анны Карловны Воронцовых к дочери их баронессе Анне Михайловне Строгановой, во время путешествия ее за границей в 1761 году // АКВ. Кн. 4. М., 1872. С. 461.

к графине, что б она тебя ласкала, и к детям тоже, теперь не знаю, первое тебе надобно, или последнее приятнее». Кроме того, Замятнин обращался к Волкову и со следующим: «Иван Иван<ович> писал ко мне преогромное шпынское письмо, я к нему в таких же терминах отвечал, понаведайся пожалуй, да я думаю, что уже он тебе сказывал. Что бы это значило не хочет ли он меня рекомендовать, как Мысошников (?) своей саможительнице меня описал. Я отвечал к нему по притчине его усильных приказаниев, и что он молчание мое сочтет преступлением в почтении к нему. При случае доложи ему, что у вас дураков и при мне было много, а теперь, как слышу, и больше, хотя, правда, и у нас ни одной порозжей вакансии нет, и что сия болезнь так усилилась, что я для облехчения земли от сего ига намерен построить баню, в которую, собрав всех, порядочно лечить стану, а доктор аще для сего преискусной человек, ему сие для того больше других вверяю, что он и сам тем же одержим»¹.

Другое письмо А. Г. Замятнин отправил Д. В. Волкову 30 июня 1761 г. В нем после полушутливых рассуждений он писал: «Теперь стану я с тобою, друг мой, говорить дело, а верхнее всию писал единственно в твое удовольствие, чтоб тебя размешить». И далее сообщал Волкову: «Графу (Бутурлину. — М. К.) я всию то сказал на словах, о чем ты ко мне писал, и он на тебя конечно не сердит, а что ты меня спрашиваешь... так я того для тысячи притчин делать не намерен. Что же касается до сведения, то я того не чужд и много бы тебе кое-чего мог сказать нужного, да..... (такое отточие в оригинале. — М. К.). Часто я, друг мой, с сокрушением сердца смотрю на тех людей, от коих зависит и целость государства, и слава нашего оружия. Ежели б у меня была запасная голова или по крайней мере спина, то б я написал к тебе грамотку попространнее, да ведаю обращении наши очень хорошо»².

Из таких полушутливых заявлений А. Г. Замятнина можно сделать вывод, что, хотя А. Б. Бутурлин внешне демонстрировал покровительственный настрой по отношению к Д. В. Волкову,

¹ РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 832. Л. 90—91.

² Там же. Л. 93—93 об.

он едва ли был готов на что-то большее. Схожим образом Замятнин не рисковал выступить в роли полноценного информатора для Волкова, хотя и намекал на проблемы в управлении армией. И, что было важно для Волкова, поддерживавшего взятие Кольберга, такие проблемы в коммуникации отнюдь не способствовали решению данной задачи. Ведь, согласно наблюдениям Ю. Р. Клокмана, «отношение главнокомандующего Бутурлина к Кольбергской операции» как вспомогательной «не совсем соответствовало и указаниям Конференции», хотя последняя в итоге ему «предложила „выделить в команду Румянцева столько войска и так его всем снабдить, как он сам этого потребует“ и предоставить ему полную свободу действий, „а отнюдь не смущать своими ордерами“»¹.

Отметим, что П. А. Румянцев самое меньшее с 1758 г. состоял в личной переписке с И. И. Шуваловым, где также обсуждались вопросы о содействии первому². Соответственно, фаворит 26 мая 1761 г. писал генералу: «Вашего сиятельства письмо честь имел получить, за которое покорнейше благодарствую и, признавая Вашу ко мне доверенность, сердечно сожалею, что ваше сиятельство не снабжены теми способностями, которые б известной вашей ревности и искусству соответствовали. В оных обстоятельствах не имею от Вашего сиятельства мне наставлений, не знаю, что делать, дабы в случае моего о известном распоряжении отзыву не почтено было вашему неудовольствию»³. Уже 19 июня 1761 г. П. А. Румянцев писал И. И. Шувалову: «Найдете из журнала и реляций моих, что я паче чаяния и ожидания по препорции моего маленького прежнего корпуса имею армию; теперь мое смущение обратилось в попечение к отысканию случая и способа исполнить должность мою, неприятель конечно атакован будет, как скоро я войско токмо с кораблей получить могу; там от решения зависеть будут следствия»⁴. В ответ на это фаворит собственноручным письмом извещал генерала

¹ Клокман Ю. Р. Кольбергская операция 1761 г. С. 237.

² Письма графа Петра Александровича Румянцева к Ивану Ивановичу Шувалову // СИРИО. Т. 9. СПб., 1872. С. 512–514.

³ ОР РГБ. Ф. 255. К. 4. Д. 11. Л. 7.

⁴ Письма графа Петра Александровича Румянцева к Ивану Ивановичу Шувалову. С. 514–515.

11 июля 1761 г. из Петергофа: «Вследствие Вашего сиятельства Конференции предложения мне сказано, что все согласно с Вашим мнением зделано»¹.

Однако, что важно, такое одобрение от Конференции было, похоже, связано не только с хлопотами И.И. Шувалова. Д.В. Волков, который, как видно из писем А.Г. Замятина, не достиг значимых успехов в неформальных отношениях с А.Б. Бутурлиным, равно как и имел основания беспокоиться о состоянии дел в армии, именно в это время решил активизировать свои контакты с П.А. Румянцевым. В собственноручном письме к последнему от 11 июля 1761 г., отправленном также из Петергофа, он прежде всего попросил у него «милостивого отпущения, что при последних отправлениях не ответствовал я на письмо Вашего сиятельства. Недостаток времени был тому причиною». И далее Волков утверждал: «А в протчем ласкал я себя, что во всех отправленных депешах довольно усмотрите Ваше сиятельство, стараюсь ли я заслужить вашу милость и благоволение. Хотя нынешнее отправление шлетя только для того, чтоб господин Караулов получил депешу, однако ж думаю я, что и тут на последнее Ваше мнение довольно изъяснена здешняя апробация». Не ограничившись этим и пользуясь предоставившимся случаем обратиться к генералу, Волков писал: «Осмеливаюсь я представить Вашему сиятельству, что, буде милостивая Ваша доверенность ко мне неотъемлема, то от Вас же зависит подать мне способ заслужить оную. Часто случится Вам могут такие обстоятельства, кои в доношениях неудобно объяснены быть могут, или предусмотрится нечто такое, на что запасная для передо резолюция потребна. Ежели вашему сиятельству угодно мне Ваши соизволения открыть, я все силы употребил бы облегчить вам исполнение о них». Более того, Волков сообщал, что в столице «не одно здесь то в намерении, что б Кольберг взять, хотя и тем безвременно мы не спешим, но намерение есть, чтоб ваше сиятельство корпусом вашим и большию себе и оружию славу приобрели. Если, ведая сие намерение, соизволи<ли> Ваше сиятельство представить сюда или хотя мне только объявить самоизбираемой

¹ ОР РГБ. Ф. 255. К. 4. Д. 11. Л. 5.

Вами план на прошлую сего лета для вас кампанию, то канечно употребил бы я оной к сущестительной заслуге Вашему сиятельству». Понимая определенную смелость своих предложений, Волков заявлял: «Простите мне милостивой государь, что я пишу прямо и дерзновенно, инако я не умею, или остаюсь в молчании». И, не ограничившись этим, далее Волков подталкивал Румянцева к более активным действиям: «Здесьние указы не смеют Вас связывать. Пространно составляются здесь, а инако поелико токмо состояние дел мы себе воображать можем. А еще меньше надобно ожидать только здесьних указов, или, имея оные, не делать уже никаких представлений, ничто здесь не получается с большею приятностию, как представление о лутчих и сильных операциях, естли есть еще к получению указов время. Верьте мне, Ваше сиятельство, что ежели б, например, открыли Вы свое мнение, как бы нынешнею зимою расположить армею в неприятельской земле, никто не скажет, что то не Ваше дело, но действительно припишет то прямой ревности. Мог бы я о сем писать пространнее, но для Вашего сиятельства нет в том надобности»¹.

Таким образом, за фасадом официальных отношений, в которых Д. В. Волков выполнял лишь функцию руководителя делопроизводства, он предлагал П. А. Румянцеву выстроить доверительные неформальные отношения, которые должны были способствовать более эффективным военным действиям, одной из ключевых целей которых должно было быть взятие Кольберга. Для этого от генерала требовалось посвящать Волкова в свои планы, а от Волкова — способствовать быстрому принятию соответствующих официальных решений. При этом Волков, будто бы руководя Конференцией, более чем смело дискредитировал ее распоряжения, призывая Румянцева фактически не ограничиваться ими. И так, Румянцев на неформальном уровне в 1761 г. мог рассчитывать не только на содействие в Санкт-Петербурге со стороны фаворита императрицы, но и на активную поддержку в Конференции от

¹ ОР РГБ. Ф. 255. К. 2. Д. 42. Л. 2–3; Киселев М. А. К истории неформальных отношений среди правящей элиты Российской империи (на материалах переписки Д. В. Волкова 1761–1763 гг.) // История в эго-документах: Исследования и источники / Гл. ред. Н. В. Суржикова. Екатеринбург, 2014. С. 164–165.

Д. В. Волкова, что в обстоятельствах того времени было весьма и весьма немало.

Соответственно, в письмах от 13 августа и 5 сентября 1761 г. П. А. Румянцев описывал И. И. Шувалову ход Кольбергской операции, а также обозначал свои нужды¹. В свою очередь 17 сентября 1761 г. фаворит писал генералу: «Радуясь о щастливых успехах нашего оружия под предводительством Вашим, но более сожалею, видев Ваше смущение, что самая невозможность не допускает вас исполнить то, что обстоятельства к общей пользе желать заставляют, о чем я вследствие вашего письма говорил некоторым министрам, представив им все ощутительные препятствия, в чем оне и сами согласны. Я чаю Ваше сиятельство с нынешним случаем довольное наставление к облегчению вашему получить изволите»². В схожем духе писал П. А. Румянцев и Д. В. Волков 21 сентября 1761 г. в ответ на полученные от генерала реляции. Прежде всего он сообщил ему: «Привезенные... депеши произвели натурально некоторое сперва сожаление о утрате многих храбрых людей, но сие сожаление никак не может сравнено быть с тем удовольствием, которое чувствовано, читаячи благоразумные диспозиции». После этого он сообщал: «Его превосходительство Иван Иванович (Шувалов. — М. К.) к Вам писать хотел, да не успел, так спешим мы отправлением куриера к фельдмаршалу (А. Б. Бутурлину. — М. К.)... Ея императорское величество за своеручным своим подписанием подтверждает к фельдмаршалу точное содержание конференцских рескриптов к Вам и к нему от 17 сего месяца, а сие обстоятельство хотя не для употребления, однако ж для многого почету, а нужным к сведению Вашего сиятельства. Вскоре пришетца к Вам резолюция о столовых деньгах, и тогда пространнее писать стану»³. Итак, как можно сделать вывод из упоминания И. И. Шувалова, Волков не только лично содействовал Румянцеву, но и координировал свои действия на неформальном уровне с *фаворитом*.

Такое содействие П. А. Румянцеву шло, фактически минуя его непосредственного командира фельдмаршала А. Б. Бутурлина.

¹ Письма графа Петра Александровича Румянцева к Ивану Ивановичу Шувалову. С. 515–520.

² ОР РГБ. Ф. 255. К. 4. Д. 11. Л. 4.

³ ОР РГБ. Ф. 255. К. 2. Д. 42. Л. 1.

Последний был близок к Елизавете Петровне еще с конца 1720-х гг.¹, так что, стоит предположить, рассчитывал на личное благоволение императрицы. Однако он не смог достигнуть в 1761 г. значимых военных успехов. Как результат, он стал получать упреки из столицы и был вынужден оправдываться за неудачи, в связи с чем 14 сентября 1761 г. писал И. И. Шувалову: «С великим прискорбием усмотрел я из полученного рескрипта, за подписанием Ея Императорского Величества собственной руки, якобы я пропустил лучший случай атаковать короля (Фридриха II. — М. К.)»². На фоне благоволения Румянцеву Бутурлин начал на неформальном уровне высказывать и свое недовольство. Так, 30 сентября 1761 г. в собственноручном письме он прямо заявил И. И. Шувалову: «Сперва не только величали меня и ублажали паче мер моих, а ныне живого во гроб вселяют и поют святыи Боже! Моего промедления, милостивый государь, нигде и никогда промедление не было напрасное». Более того, он даже жаловался на Д. В. Волкова: «Вступитесь за верного раба Ея Величества: ныне еще получил еще к обиде моей, чтоб и Акчюринова³ отдал графу Румянцеву, кой у меня один и есть, и все секретные дела на него положены, а я остаюсь один писарем и копиистом. Я не чаял бы такой жестокой обиды от его высокородия Волкова»⁴. Не ограничившись этим, Бутурлин решил пожаловаться канцлеру М. И. Воронцову, адресовав упреки уже всей Конференции: «Нападении из Конференции на меня уже столь велико, что и нужнейшего мне человека Акчурина отнимает»⁵.

¹ Киселев М. А., Кочегаров К. А., Лазарев Я. А. Патроны, слуги и друзья. Русско-украинские неформальные связи и управление Гетманщиной в 1700–1760-х гг. С. 346–347.

² Письма графа Александра Борисовича Бутурлина к Ивану Ивановичу Шувалову // СИРИО. Т. 9. СПб., 1872. С. 508–509.

³ Сергей Васильевич Акчюрин, который, будучи в 1756 г. переводчиком Коллегии иностранных дел, был определен секретарем Конференции с майорским рангом и впоследствии оказался при А. Б. Бутурлине в качестве секретаря походной канцелярии по секретной части.

⁴ Письма графа Александра Борисовича Бутурлина к Ивану Ивановичу Шувалову. С. 509–510.

⁵ Письма графа Александра Борисовича Бутурлина // Архив князя Воронцова. Кн. 6. Царствование Елизаветы Петровны. М., 1873. С. 378.

Однако, похоже, такие жалобы А. Б. Бутурлина были малоинтересны в столице, а ставка Д. В. Волкова и И. И. Шувалова на П. А. Румянцева оказалась верной: 5 декабря 1761 г. гарнизон Кольберга капитулировал. Бутурлину же, согласно письму М. И. Воронцова от 18 декабря 1761 г., было предписано «ко двору отселе отъехать»¹. При этом, не исключено, пример успешного взаимодействия Румянцева с И. И. Шуваловым и Волковым способствовал тому, что к *подьячему* могли обращаться и другие генералы. По крайней мере, 7 декабря 1761 г. с Волковым спешил поделиться своими мыслями о том, как следует победить Пруссию, генерал-поручик князь М. Н. Волконский. Изложив Волкову свои идеи, он завершал письмо такими словами: «Ежели вы за благо разсудите милостивцу моему Ивану Ивановичу (Шувалову. — М. К.) сие показать, и он опробовать изволит, чтоб я о сем и в реляции моей данес, то буду и ожидать от Вас уведомления, токмо покорно прошу как наискорее о судьбе моего корпуса резолюции»².

Идеи М. Н. Волконского не пригодились, так как в конце 1761 г. после смерти Елизаветы Петровны на российский престол взошел Петр III, который в 1762 г. прекратил войну с Пруссией и занялся подготовкой войны с Данией. Впрочем, нахождение Кольберга в руках русской армии вполне способствовало этим планам: немецкая крепость должна была стать одним из перевалочных пунктов. Д. В. Волков, которого новый император назначил своим тайным секретарем, только расширил переписку с генералитетом, и тот же П. А. Румянцев именовал Волкова в переписке «вселебозным другом»³. Правда, Петр III был довольно быстро свергнут. Волкова, временно арестованного в связи с переменой на престоле, из-за пропрусской политики Петра III стали обвинять едва ли не в том, что он «предатель был отечества»⁴, что

¹ Там же. С. 379.

² РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 834. Л. 6 об. Копия этого письма с ошибочной датой «7 Генваря 1761» была опубликована: Письмо из Познани к конференц-секретарю Д. В. Волкову от князя М. Н. Волконского // Архив князя Воронцова. Кн. 6. Царствование Елизаветы Петровны. М., 1873. С. 330–334.

³ Киселев М. А. К истории неформальных отношений среди правящей элиты Российской империи. С. 167.

⁴ Письма Д. В. Волкова к Г. Г. Орлову // РС. 1874. № 11. С. 487.

было совсем не так. Фридрих II в мае 1762 г. прямо писал своей сестре, королеве Швеции Луизе Ульрике, что канцлер М. И. Воронцов вполне благожелательно настроен по отношению к прусским интересам, в отличие от Волкова, «человека, как говорят, довольно умного». И, что примечательно, наиболее опасным для прусских интересов Фридрих считал И. И. Шувалова, которого называл опытным интриганом, сумевшим получить при дворе Петра III значимые должности, хотя император якобы его ненавидел¹. Сам Д. В. Волков, оправдываясь перед фаворитом Екатерины II Г. Г. Орловым, заявил в письме от 10 июля 1762 г.: «Не надобно мне лучшего свидетельства в моем усердии к отечеству, как гонение неприятелей империи, что я и заслужил оное, прибавя с похвалою, или хвастовством, что остаток последней компании и взятие Колберга одному мне принадлежит»². Как видно из изложенного выше материала, взятию Кольберга помогал и И. И. Шувалов. Тем не менее заслуги Волкова в этом деле отнюдь не были его выдумкой.

Итак, выработка политических решений правительством Российской империи середины XVIII в. с их последующей реализацией была сложным процессом, где наряду с формальными процедурами играли важную, а иногда и решающую роль неформальные связи. Прежде всего, здесь большое значение имела конфигурация отношений сановников при дворе монарха, где ключевой фигурой помимо самого монарха оказывался его фаворит, одной из главных функций которого была помощь правителю в управлении империей. В то же время сказывалось развитие бюрократизации управления, в рамках которого помимо сановников делопроизводители-*подьячие* получали возможность, опираясь на свои профессиональные знания и достижения, выступать в роли организаторов если не принятия, то оформления важных решений. При этом рассмотренные неформальные отношения *фаворита* И. И. Шувалова, *подьячего* Д. В. Волкова и *генерала* П. А. Румянцева отнюдь не были направлены на достижение частной выгоды, *партикулярного интереса*, но, нацеленные на взятие Кольберга, имели в виду *общее благо*. Эффективность

¹ РС. Bd. 21. Berlin, 1894. S. 468.

² Письма Д. В. Волкова к Г. Г. Орлову. С. 482.

завязанных на столицу формальных связей в условиях отдаленности театра боевых действий в эпоху господства гужевого и парусного транспорта была довольно проблемной как с точки зрения полноценного контроля за состоянием и действиями войск, так и с позиции быстрого принятия решений. В этом отношении неформальные контакты при должном уровне доверия взаимодействующих сторон упрощали информационный обмен, равно как и согласование со столицей. Более того, это даже позволяло игнорировать формальные преграды. Как результат, такие налаженные неформальные отношения между представителями генералитета и правительства оказывались немаловажной составляющей военных успехов, как показало взятие Кольберга в 1761 г. Что же до характеристики таких неформальных связей, то, как представляется, их едва ли можно рассматривать в качестве полноценных патрон-клиентских отношений, хотя тот же И. И. Шувалов как фаворит и мог бы выступить в роли патрона. Скорее это был ситуативный союз, обеспечивавший неформальные связи благодаря наличию конкретной цели, на реализацию которой он был направлен. Раз так, то эти связи не генерировали прочных обязательств и привязанностей уровня патрон — клиент, хотя и допускали помимо работы на общую значимую цель какие-то небольшие частные услуги. Соответственно после того, как тот же И. И. Шувалов перестал после смерти Елизаветы Петровны быть фаворитом, и П. А. Румянцев, и Д. В. Волков вполне успешно продолжили свои карьеры, в том числе и после 1762 г. при новой императрице, ведь их рассматривали не как клиентов бывшего фаворита, а как талантливых государственных деятелей.

Егоров Вадим Игоревич — главный специалист Российского государственного военно-исторического архива, Москва.

Основные публикации:

(Сост., ред.) Военный сборник. Статьи и публикации по российской военной истории до 1917 г. М., 2004.

(Сост., ред.) Наш восемнадцатый век. Военный сборник. М., 2014.

Голштинские войска и дворцовый переворот 1762 года. М., 2016.

Книга об эполетах. Эполеты полков российской армии в царствование Екатерины II. 1762–1796. М., 2016.

Иванов Андрей — доцент факультета истории Университета Висконсина в Платтвилле (США).

Основные публикации:

Reformation and the Muscovite Czar: Anti-Protestant Polemic in the Writings of Ivan the Terrible // Sixteenth Century Journal 40 (Winter 2009). P. 1109–1129.

A Spiritual Revolution: The Impact of the Reformation and Enlightenment in Orthodox Russia 1700–1836. Madison, 2020.

Escape from Rome: Teofan Prokopovych and Ukrainian Orthodox Ties to the Eternal City 1650–1750 // Harvard Ukrainian Studies Journal. 2020. 37. № 1–2. P. 47–81.

Киселев Михаил Александрович — канд. ист. наук, старший научный сотрудник лаборатории междисциплинарных гуманитарных исследований Института истории и археологии УрО РАН; старший научный сотрудник лаборатории эдиционной археологии Уральского федерального университета, Екатеринбург.

Основные публикации:

Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург, 2016 (в соавт. с К. Д. Бугровым).

«Регулярное» государство Петра I в сталинской России: Судьбы историков права в контексте научных и идеологических баталий советского времени. СПб., 2020.

Патроны, слуги и друзья: Русско-украинские неформальные связи и управление Гетманщиной в 1700–1760-х гг. Исследование и источники. Екатеринбург, 2022 (в соавт. с К. А. Кочегаровым и Я. А. Лазаревым).

Киценко Надежда — профессор истории, руководитель исследований религии в Государственном университете штата Нью-Йорк в Олбани (США).